

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРНОЙ ЗАНЯТОСТИ

И.В. Воробьева^{1а}

^аРоссийский государственный гуманитарный университет

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена изучению особенностей трудовой занятости российских ученых и получению представлений о степени распространения в этой сфере труда негативных характеристик, позволяющих говорить о ее прекарнизации.

На сегодняшний день целый ряд направлений в сфере науки исследований и разработок находится в определенной стагнации, а развитие науки тормозится из-за недостаточного финансирования, устаревших технологий, кадровых проблем отрасли. Кроме того, прекарнизация труда, характерная ранее для людей с низким уровнем образования, выполняющих простую рутинную работу, получила свое распространение и в сфере интеллектуального труда, в том числе в сфере науки.

Исследование базируется как на совокупности теоретических разработок, определяющих критерии прекарной занятости, так и на результатах аналитических отчетов и данных всероссийского исследования «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества», на основе которых производится оценка научной инфраструктуры, достаточности мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых, делается попытка осмысления трудовой занятости российских ученых.

Анализ труда работников научной сферы позволяет говорить о том, что несмотря на некоторые признаки прекарнизации труда научных сотрудников, говорить об их полном причислении к этому классу преждевременно. Базовые признаки прекарного труда, такие как неформальная занятость, отсутствие социальных гарантий и депрофессионализация в научной отрасли, распространены незначительно. Однако, другие признаки прекарнизации – нестабильность, неопределенность, негарантированность, нестандартное рабочее время, дополнительная занятость, неудовлетворенность условиями и размером оплаты труда в среде ученых и пр. – получили значительное распространение. Кроме того, излишняя бюрократизация и стандартизация этой сферы буквально заставляют ученых производить формальные показатели результативности своей деятельности, иногда в ущерб реальному качеству работы. Это в свою очередь формирует у научных сотрудников представление о бессмысленности и бесполезности своего труда.

Если данные негативные тенденции в этой сфере сохранятся, ученые (особенно те, которые относятся к гуманитарным и социальным направлениям) становятся однозначными кандидатами в прекарии. На государственном уровне необходимы самые серьезные меры по сохранению и развитию российской науки.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00024.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прекариат, прекарная занятость, прекарнизация, наука, ученые.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воробьева И.В. (2021). Российские ученые в условиях прекарной занятости // Вопросы управления. № 1. С. 131–142.

Несмотря на то, что в последние годы публикуется большое число работ, посвященных как новому социальному классу – прекариату, так и прекарнизации труда и занятости отдельных категорий работников и сфер занятости,

в научной литературе не выработан единый подход к определению и измерению этого явления. Появление новых гибких форм занятости, снижение государственного контроля за регулированием социально-трудовых отноше-

¹AuthorID РИНЦ: 654506, ResearcherID: Q-7430-2016

ний привело к тому, что в некоторых сферах, стабильных на первый взгляд, возникают явления, которые могут быть свидетельством широкого распространения прекаризации и особенно скрытых ее форм.

Теоретические подходы к изучению прекарной занятости

Определение критериев прекарной занятости и выявление численности работников, вовлеченных в такие отношения, остаётся актуальной задачей, которая по-прежнему не имеет однозначного подхода. В статистических отчетах и работах отечественных исследователей отражены разные подходы к определению параметров прекаризованной занятости. Как следствие, различаются данные и о численности работников, отнесенных к этой группе. Например, О. И. Шкаратан относит к прекариату 27 % работающих россиян [1, с. 109]. В. Н. Бобков полагает, что признаками неустойчивой занятости обладают в той или иной мере 85 % наемных работников [2, с. 25]. Позиция, изложенная в работах Ж. Т. Тощенко и Р. И. Анисимова, предполагает, что в прекарные трудовые отношения в разной степени включено 82 % граждан или 59 млн работающих россиян. К видам прекарных отношений они относят работу на основе устной договоренности (без трудового договора), работу по срочным договорам (до одного года), дополнительную (вторичную занятость) и нестандартный рабочий день [3, с. 101].

Несмотря на некоторую разницу в подходах, большинство исследователей склоняются к мысли о том, что прекаризация наемного труда получила широкое распространение во всех сферах экономики, а прекаризация трудовых отношений имеет тенденцию к увеличению [4–16].

К прекариату принято относить слои населения, представители которого находятся в нестабильном социально-экономическом состоянии, обладают «усеченным статусом» [17, с. 23]. При этом характеристиками прекаризации становятся неустойчивость, негарантированность, неформальность занятости, следствием которых являются низкий размер оплаты труда, ее неопределенность и непрозрачность, ухудшение условий труда, депро-

фессионализация и отсутствие трудовой и профессиональной перспективы, правовая и социальная незащищенность. Более широкий подход, представленный в работах отечественных исследователей говорит о таком признаке прекаризации, как нестандартное рабочее время, к чему относят сверхзанятость или недозанятость [18, с. 79]. Нестандартное рабочее время – явление, широко распространенное в сфере нематериального производства, в том числе в сфере науки и образования. Значительная часть работников этих сфер вынуждены работать либо на неполную ставку, либо, наоборот, перегружены дополнительными обязанностями, часть которых выполняется сверх рабочего времени и никак не учитывается работодателем.

Прекаризацию труда можно рассмотреть и через призму субъективных оценок работником собственного положения: неудовлетворенность работой, чувство уязвимости, незащищенности, страх потери работы и др. [18, с. 79]. Таким образом, признаками прекаризации обладают более широкие слои и группы работников, чем кажется на первый взгляд.

Анализ сферы научного труда позволяет сделать вывод, что ученые становятся кандидатами в прекариат. Риски прекаризации для них заключаются в самой специфике организации научной сферы. Эксперты полагают, что сегодня наука находится в состоянии кризиса, по многим направлениям – упадка, в лучшем случае – застоя [19, с. 9].

В качестве базовых факторов, тормозящих развитие российской науки и прекаризирующих сферу труда работников этой категории, можно выделить следующие: экономическое отставание России; догоняющее развитие и запаздывающая модернизация; сырьевая ориентация страны; устаревшие технологии; недофинансирование науки; неравномерная структура науки; утрата конкурентоспособности страны; изменение баланса стабильности и инноваций; запаздывание с ответами на технологические вызовы [20, с. 625].

Совокупность этих факторов порождают такие черты, как неустойчивость, нестабильность, негарантированность и даже бесперспективность работы в этой сфере.

Состояние российской науки: численность организаций, финансирование, кадры

Прекаризация труда ученых началась еще в 90-е гг. XX в., когда из уважаемой и привилегированной группы они, впрочем, как и многие другие группы интеллигенции, превратились в «интеллектуальных рабов» системы образования постиндустриального общества [21, с. 34].

Негативные процессы в сфере науки наблюдаются и в настоящее время. Например, происходит уменьшение числа организаций, занятых исследованиями и разработками. С 1990 г. происходит сокращение числа конструкторских бюро, проектных и проектно-исследовательских организаций, промышленных предприятий и высших учебных заведений, которые занимаются исследованиями. Так, с 1990 по 2005 гг. в 8,7 раз уменьшилось количество проектных организаций, в 4,1 раза – конструкторских, в 1,8 раза – научно-исследовательских подразделений на промышленных предприятиях [19, с. 20–22]. Эта тенденция продолжилась и в 2010-х гг. По состоянию на 1 июня 2019 г. в РФ число организаций, выполняющих научные исследования, составило 3 822, что на 128 меньше, чем в 2018 г.²

Финансирование российской науки находится на неудовлетворительном уровне. В 1990-е гг. наука была брошена на произвол и доведена до нищенского уровня. Лишь с 2020 г. по отношению к науке наметился поворот (и то несоизмеримый с прошлым). Динамика затрат на научные исследования и разработки за эти годы выглядит следующим образом: они в постоянных ценах выросли вдвое – с 76,7 млрд. руб. в 2000 г. до 153,1 млрд. руб. в 2018 г.³

В настоящий момент 67 % научных исследований и разработок финансируются из государственного бюджета, еще 29,5 % – за счет предпринимательского сектора, 2,3 % – из иностранных источников, 1,1 % – из иных⁴.

Эксперты подчеркивают, что ежегодные затраты по финансированию науки в реальных ценах увеличиваются, однако, принимая во внимание инфляцию, среднегодовой рост ассигнований составляет не более 15 %. Этих средств едва хватает на содержание науки, а вот для развития их недостаточно [19, с. 126].

При этом эксперты отмечают отставание России по многим показателям и качественным характеристикам науки от уровня более развитых стран. Россия занимает десятое место в рейтинге ведущих стран мира по объему внутренних затрат на исследования и разработки в расчете по паритету покупательной способности национальных валют. В настоящий момент удельный вес затрат на науку в ВВП составляет (1,1 %). В этом направлении Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 34 месте. Еще ниже находятся российские позиции по индикатору внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя (в эквиваленте полной занятости) – 47 место (93 тыс. долл. США)³.

Сами ученые, говоря о недостаточности финансирования науки, обращают внимание общественности на не столько уровень оплаты их труда, сколько на недостаточность оснащения, оборудования и пр., что не позволяет конкурировать с международной наукой и выдавать конкурентоспособные научные продукты⁴. Эта невозможность существенно снижает уровень удовлетворенности трудом и результатами своей деятельности, а ученого превращает в подобие робота, производящего устаревшие и никому ненужные продукты.

Следствием ограниченной научной политики становится невостребованность результатов научных исследований со стороны бизнеса и производства. Отсутствие рыночного интереса со стороны производства и бизнеса и базовая поддержка в основном с государственной стороны выглядят как искусственная до-

²Наука. Технологии. Инновации: 2020 : Краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ «ВШЭ», 2020.

³Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_discussion/sp.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

⁴Итоги реформы РАН глазами ученых // ИнтерФакс. 2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/678745> (дата обращения: 12.01.2021).

тация нерентабельной сферы, когда при отсутствии реальных заказов, происходит попытка ее поддержания с помощью административных ресурсов. Кроме того, полная зависимость науки от заказчика-государства, ставит ее в подчиненное положение, в том числе на идеологическом уровне.

Сегодняшняя оценка «полезности» науки во многом строится на экономической основе, возможностях этой науки производить технологии и инновации. Данный подход пытаются применить и для гуманитарных и социальных наук. По этому принципу распределяются государственные приоритеты в поддержке и финансировании. При этом, в обществе происходит примитивизация самого места науки, сужение задач науки и потеря ее мировоззренческой функции.

Недостаточность материальной и финансовой поддержки научных организаций приводит и к тому, что российская наука, особенно по целому ряду направлений, буквально «варится в собственном соку». Ученые не всегда имеют возможность стажировок, обмена, представления результатов научных трудов на международных конференциях. Затруднены даже публикации в ведущих международных журналах или возможность приглашения для работы иностранных ученых. Это, разумеется, приводит к потере идентичности, утрате профессиональных связей и пр.

Средний возраст исследователей колеблется в пределах 47 лет. С 2010 г. происходит некая тенденция роста числа исследователей в возрасте 30–39 лет (с 59 910 до 60 634 чел.), но при этом сокращается число исследователей в возрасте до 29 лет³. Сохраняется негативная тенденция прихода в науку выпускников университетов, связавших свою профессиональную карьеру с наукой: в 2017 г. их численность не превышала 1 %⁵. В сфере науки наблюдается тенденция старения кадров высокой квалификации. К 2018 г. среди имеющих докторскую степень 37 % приходится на возраст 70 лет и старше, 32 % – на 60–69 лет. Доля

докторов наук от 50 до 59 лет составляет 18,8 %, от 40 до 49 лет – 9,8 %. Ученых до 40 лет, имеющих докторскую степень, всего 2 %. Даже среди кандидатов наук доля ученых старше 50 лет составляет 48,7 %².

Таким образом, наблюдается естественный уход старшей категории исследователей и недостаточное воспроизводство молодых кадров, которые не просто уезжают работать за рубеж, но и утекают в другие смежные сферы деятельности. Начиная с 1990-х гг. из России уехали ок. 150 тыс. научных сотрудников и преподавателей вузов. По приблизительным подсчетам, за последние 20–30 лет страну покинули примерно 70–80 % ведущих математиков и 50 % ведущих физиков-теоретиков. Эксперты говорят, что определенную проблему представляет не сама по себе «утечка мозгов» за рубеж, а уход наиболее способных ученых, преподавателей в сферы занятости, где их интеллектуальный потенциал не может быть раскрыт и использован полностью. Это связано с существенным падением популярности и престижа научного труда, значительно более низким уровнем дохода в этой области по сравнению с деятельностью в других отраслях⁶. Кроме того, «сокращение численности научных кадров из-за ухода в другие структуры и сферы, отсутствие притока молодежи в науку по своим масштабам и отрицательным последствиям причиняет вред больший, чем отъезд молодых ученых за рубеж на постоянное место жительства» [19, с. 236]. При том, надо отметить, что отъезд исследователей за границу продиктован не только более высокой зарплатой, но и ухудшением условий для занятия фундаментальной наукой, условиями труда (оборудование, техника, реактивы и пр.).

При отсутствии организованных каналов привлечения молодежи Россию ожидает серьезный кадровый голод в научной среде [22]. Дефицит кадров может произойти в том числе и потому, что научная деятельность связана со сложностью и длительностью подготовки работников для этой сферы, при которой отно-

⁵Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ реализации мер государственной поддержки молодых российских ученых в 2016–2017 годах и истекшем периоде 2018 года». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7ca/7ca48ca43e12713710903f632da51a35.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

⁶Безмозглая Россия. Почему наши ученые уезжают на Запад // Версия. URL: <https://versia.ru/pochemu-nashi-uchyonnye-uezzhayut-na-zapad> (дата обращения: 14.01.2021).

Таблица 1 – Социально-правовое оформление занятости (% от числа опрошенных)⁸

Table 1 – Social and legal registration of employment (% of the number of respondents)

Варианты ответов	Отрасль					
	Наука	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт	Торговля, быт. обл.
Имеют бессрочный договор	72,0	53,7	61,3	47,0	34,7	48,7
Имеют временный договор более 1 года	21,3	22,0	15,7	21,7	28,0	16,7
Имеют временный договор менее 1 года	1,3	5,0	6,0	7,0	8,0	5,7
Работают без трудового договора	4,7	19,0	16,3	22,7	27,0	26,0
Иное (например, заключили договор с одной организацией, но работаете в другой)	0,7	0,3	0,7	1,7	2,3	3,0

сительно стабильная оплата труда не компенсирует затраченных усилий, а уровень оплаты значительно уступает уровню оплаты зарубежным исследователям или аналогичным позициям в сфере бизнеса и управления.

Условия труда российских ученых

Важное значение играют и условия труда ученых. С одной стороны, по формальным показателям труд ученых сохраняет ряд позитивных характеристик: стабильная оплата труда, официальное трудоустройство, бессрочный трудовой договор, наличие социальных гарантий и пр. На первый взгляд эти показатели существенно превышают положение работников многих отраслей (табл. 1).

Основная часть работников научной сферы говорят о том, что могут рассчитывать на оплату больничных листов и оплату отпуска, 94 % – на оплату отпуска по уходу за ребенком, 88 % – имеют возможность взять отгул, 78,3 % – гарантированную оплату за время вынужденной остановки работы.

В научной сфере в основном превалирует официальная оплата труда – о неофициальной форме оплаты говорят менее 2 % работников, 19 % иногда получают «зарплату в конверте»

(полную или частично), а 73,3 % научных работников сказали, что в своей работе с этим не сталкивались⁹.

За январь–сентябрь 2019 г. средняя заработная плата научных сотрудников составила 94 725 руб., что значительно превышает за тот же период зарплату таких категорий из смежных близких отраслей, как преподаватели образовательных организаций высшего профессионального образования – 86 053 руб., врачи и работники медицинских организаций – 79 075 руб., работники учреждений культуры – 40 322 руб.¹⁰ При этом реальная зарплата ученых имеет существенный разброс по регионам: от 37 238 руб. в Калмыкии до 123 746 руб. в Москве. Кроме того, она существенно варьируется в зависимости от того, в чьем подчинении – федеральном или субъекта федерации – находится организация. С учетом зарплаты иного персонала средняя ее сумма по отрасли в целом выглядит скромнее – 53 272 руб. (данные за 2018 г.). Но даже более скромная средняя зарплата персонала, занятого исследованиями и разработками, все равно превышает среднюю по экономике в целом и по отдельным отраслям (табл. 2)².

⁷Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (2019–2020 гг.). Объем выборочной совокупности – 900 человек, с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше, в соответствии со статистическими данными Росстата (на 01.01.2019 г. и в среднем по 2018 г.; на 01.10.2020 г. и в среднем по 2019 г.). Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа (в 2019 г. – ПГТ, в 2020 г. – Г), села (пропорции вычислены по Росстату). На последнем этапе отбора и опроса респондентов квот интервьюерами соблюдались по 3 социально-профессиональным группам населения: транспорт, торговля и бытовое обслуживание, строительство (в 2019 г.) и наука, промышленность и сельское хозяйство (в 2020 г.).

⁸Источник: Прекариат-2019⁷, Прекариат-2020⁷.

⁹Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (2020).

¹⁰Средняя заработная плата научных сотрудников в организациях государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь–сентябрь 2019 г. URL: <http://www.gks.ru/storage/mediabank/02-20-11.xlsx> (дата обращения: 14.01.2021).

Таблица 2 – Среднемесячная заработная плата персонала, занятого исследованиями и разработками

Table 2 – Average monthly salary of research and development personnel

Показатель	Год				
	2000	2010	2016	2017	2018
Среднемесячная заработная плата, руб.	2322,9	25043,5	43539,5	48833,6	53272,0
В процентах к заработной плате: в экономике в целом (= 100 %)	104,5	119,5	118,6	124,7	121,8
В обрабатывающих производствах (= 100 %)	98,2	131,3	125,9	126,8	130,8
В строительстве (= 100 %)	88,0	118,3	134,7	145,0	138,3

Таблица 3 – Источники, из которых формируются доходы (% от числа опрошенных)¹¹

Table 3 – Sources from which income is generated (% of the number of respondents)

Варианты ответов	Отрасль					
	Наука	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт	Торговля, быт. обл.
Заработная плата на основн. месте работы	99,3	98,0	96,0	96,3	94,7	95,0
Собственный бизнес	0,7	1,0	3,3	3,0	5,0	5,0
Подработка, совместительство	29,0	29,7	19,0	31,7	39,7	15,7
Пенсия	7,0	2,3	9,3	4,3	4,0	4,7
Помогают родственники, друзья	6,3	9,3	11,3	8,7	6,0	14,7
Сдают в аренду жилье, дачу, иную недвижимость	7,7	6,3	1,3	6,0	6,0	5,7
Получают проценты от сбережений, акций	3,0	2,0	2,3	1,0	1,3	0,3
Обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство)	13,3	27,7	49,3	19,7	17,3	24,3
Другое	1,7	0,3	1,0	0,0	0,3	1,0

При этом, показатели нельзя назвать полностью благополучными и отражающими и уровень образования и квалификации, и те «вложения» в виде долгих лет учебы, которые учеными были сделаны. Кроме того, в статистике учитываются и зарплаты руководящих сотрудников, которые значительно опережают оплату труда рядовых сотрудников отрасли.

По данным Всероссийского исследования «Прекариат-2020», главным источником дохода для научных сотрудников является заработная плата на основном месте работы – так ответили 99,3 % работников. При этом дополнительная (вторичная) занятость в этой среде достаточно распространена. Треть ученых на регулярной основе практикуют различные подработки и совместительство, еще 35 % делают это время от времени. Практика дополнительной занятости может быть рассмотрена как недостаточность основного заработка для покрытия жизненных нужд, но, конечно, может быть продиктована и желанием расширения

возможностей, ролевого репертуара ученого, когда многие из них практикуют подработку в качестве преподавателей или работают исследователями по смежным проектам. Для 13,3 % дополнительный доход дают огород и подсобное хозяйство, 8 % сдают в аренду недвижимость, 7 % дополнительно к зарплате получают пенсию (табл. 3).

При оценке представления о справедливости оплаты труда мнения разделились: 37,7 % считают, что работа не всегда оплачивается справедливо, 29 % говорят о несправедливой оценке своего труда, но примерно столько же (28 %) отмечают справедливость этой оплаты (табл. 4).

Только 17,7 % работников считают, что их материальное положение стало лучше. Каждый второй (46,7 %) полагает, что за последние три года изменений в собственном материальном положении не произошло, 35,7 % говорят о его ухудшении.

¹¹Источник: Прекариат-2019⁷, Прекариат-2020⁷.

Таблица 4 – Оценка справедливости оплаты труда (% от числа опрошенных)¹²

Table 4 – Assessment of fairness of wages (% of the number of respondents)

Варианты ответов	Отрасль					
	Наука	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт	Торговля, быт. обл.
Справедливо	28,0	11,7	15,0	21,0	16,7	17,3
Не всегда справедливо	37,7	52,0	47,7	45,7	49,3	41,0
Несправедливо	29,0	29,0	29,0	26,7	26,3	33,3
Затруднились ответить	5,3	7,3	8,3	6,7	7,7	8,3

Таким образом, в среде ученых распространены ощущения о несправедливости оплаты их труда [23], низкой зарплате, недостаточной прозрачности стимулирования труда. Хотя такая оценка носит субъективный характер, она, однако, свидетельствует о наличии определенной неудовлетворенности ученых своей работой: условиями и организацией труда. Неслучайно пятая часть говорит о беспомощности и невозможности повлиять на происходящее, практически столько же – о страхе перед будущим, 21 % – о несправедливости. 22,3 % в качестве одного из направлений жизненных планов мечтают о том, чтобы найти новые источники повышения своего дохода. Более 20 % ученых отмечают отсутствие перспектив в карьере. О невозможности покрытия жизненных потребностей основной заработной платой можно косвенно судить и по наличию кредитных обязательств: 22,7 % имеют потребительский кредит, 15,7 % пользуются кредитной картой, 10,3 % имеют долги перед родными и друзьями.

Нестабильность и неустойчивость занятости, высокий риск потери работы являются важными критериями отнесения к прекариату. При этом, в научной среде сохраняется достаточно стабильная трудовая занятость и продолжительность работы на одном месте: 85,3 % не меняли работу за последние 3 года, 13 % сделали это 1 раз. Для большинства ученых продолжительная работа на одном месте связана, в том числе, с ее спецификой: длительность самого процесса научной работы, не дающей сиюминутного результата, долговременное становление научных коллективов, научных школ и направлений и пр.

Можно сказать, что при относительно негативной оценке условиями труда ученые сохра-

няют высокий уровень удовлетворенности содержанием своей работы. Примерно 70 % ученых говорят, что удовлетворены своей работой и о том, что эта работа их устраивает. Наиболее важными характеристиками в работе, которой занимаются специалисты научной сферы, стали: оплата труда (68,3 %), интересное содержание работы (50,7 %), условия труда (44 %). Между тем, удовлетворенность работой и содержанием труда составляет часть психологического и профессионального ядра личности ученого. В этой среде, несомненно, можно говорить о профессиональной приверженности и профессиональном призвании работника. Как ни парадоксально, это делает их еще более уязвимыми перед работодателями. Потерять работу, которая нравится и при этом определяет научный и жизненный интерес значительно хуже, чем неинтересную и рутинную. Это, помимо всего прочего, используется работодателями для оправдания ухудшения условий труда, заставляя научных работников смириться и с увеличением нагрузки, и со снижением уровня оплаты труда, и с расширением дополнительных обязанностей.

Среди сотрудников научной сферы опасение потерять работу высказывают 24 %, в группе исследователей – 20,8 %, среди вспомогательного научного персонала – 63,6 %. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, высокий образовательный и квалификационный уровень сотрудника, его уникальные умения являются защитой и обеспечивают востребованность. С другой – в случае потери работы в результате реорганизации, сокращения и пр. ученые-исследователи могут оказаться в значительно более уязвимом положении, чем другие группы, привыкшие к нестабильности и частому смену работы. И это будет отно-

¹²Источник: Прекариат-2019⁷, Прекариат-2020⁷.

ситься даже к, казалось бы, уникальным специалистам. Определенная научная «колея», в которую попадает ученый, много лет занимаясь определенной научной темой или направлением, делает его специалистом в узкой области или сфере, и при выпадении из нее он может оказаться совершенно невостребованным да и попросту некомпетентным в других темах, сферах, отраслях.

Выводы и предложения

Таким образом, не отвечая основным показателям принадлежности к прекариату, таким как неформальная занятость и отсутствие социальных гарантий, ученые, тем не менее, обладают некоторыми признаками прекаризации труда, например, имея нестандартное рабочее время и вторичную занятость. Кроме того, о существующих признаках прекаризации труда ученых можно судить и на основе субъективных оценок работником собственного положения: неудовлетворенность условиями труда при достаточно высоком уровне удовлетворенности его содержанием, неудовлетворенность уровнем оплаты труда, чувство уязвимости, незащищенности, страх потери работы и др. Разумеется, говорить о том, что ученые безусловно относятся к новому социальному классу – прекариату, преждевременно. Но некоторые признаки прекаризованной занятости проникают и в эту среду [24]. Если раньше в прекариат попадали люди, не имеющие достаточного образовательного и социального капитала, то теперь его ряды могут легко пополняться людьми образованными, но либо невостребованными новой экономической системой, либо не умеющими к ней приспособиться. Попытка рассматривать сферы науки и образования исключительно с позиции производительности и получения максимальной прибыли, жесткая конкуренция, необходимость соответствовать формальным, иногда не вполне разумным рейтингам неизбежно приведут к выбыванию «неуспешных» людей из научной сферы, которые из кандидатов в прекариат могут стать стабильными участниками этого класса. Причем эта неуспешность необязательно будет таковой с позиции содержания науки, скорее – с позиции невостребованности такого знания жесткой экономической си-

стемой, неспособности «выдавать» своевременный регламентированный «продукт», который просто невозможен в целом ряде научных направлений.

Переход части ученых в прекарный класс может быть рассмотрен как серьезная социальная проблема, поскольку приведет к потере значительной части интеллектуалов, которые утратят свои профессиональные навыки и профессиональную идентичность. Речь может идти об исчезновении целых научных школ и направлений, воспроизводство и восстановление которых впоследствии будет невозможно.

Современные экономические и политические процессы, происходящие в обществе, усиление цифровизации, потребность в новых знаниях и технологиях не позволяют сомневаться в том, что роль науки как стратегического ресурса страны будет усиливаться, а научные возможности и потенциал страны будет рассматриваться как основание лидерства на международной арене. Это потребует от государства решения важных и насущных проблем отрасли, которые, увы, не решены и по сей день, несмотря на некоторые предпринимаемые усилия.

Важным вопросом остается преодоление технологической отсталости российской экономики, развитие промышленности. Поскольку сфера науки не существует в вакууме, она напрямую зависит от промышленности, производства, культуры. Развитие науки может осуществляться только через становление и укрепление этих связанных с ней направлений. Решение этой проблемы стало бы возможным ключом и к решению вопроса невостребованности отечественных научных разработок со стороны бизнеса и иных коммерческих структур.

На государственном уровне необходимо принятие мер по увеличению бюджетных инвестиций и финансирования на развитие научной инфраструктуры. При отсутствии соответствующего прогрессивного оборудования нельзя рассчитывать на передовые результаты труда. Кроме того, нужны научные кадры, способные с этим оборудованием работать.

Необходима дополнительная поддержка как перспективных, но «западающих» отраслей науки, где у России наметилось отстава-

ние, так и гуманитарного знания, отставание в котором, возможно, и не выглядит столь критичным, но в долгосрочной перспективе может дать весьма негативный эффект. В сегодняшних реалиях оценка приоритета науки, а значит и финансирование зависит от ее возможности производить наглядные и, главное, продаваемые и применимые технологии. Вне всякого сомнения, это важно, однако при этом вытеснение гуманитарной и социальной науки на периферию стратегических интересов может иметь необратимые последствия.

Должно развиваться и налаживаться более тесное сотрудничество с передовыми европейскими и мировыми научными школами, в том числе на уровне конференций, стажировок, иных форм академической мобильности и пр.

На федеральном уровне необходимо разработать комплекс мер по развитию кадрового потенциала науки, в том числе на ранних стадиях вхождения. Многие эксперты полагают, что становление молодых ученых и их профессиональное развитие затруднено, особенно в регионах. Исключения составляют лишь несколько высокотехнологических развитых центров.

Государство должно предпринять действия по повышению статуса российского ученого [25, с. 263], привлекательности и элитарности этой профессии, в том числе в части увеличения уровня заработной платы отечественных исследователей, решения их жилищных вопросов, грантовой поддержки молодых ученых и пр.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.
2. Бобков В.Н. (2014). Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ : Монография / В.Н. Бобков [и др.] ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет. М. : ТЕИС. 94 с.
3. Тощенко Ж.Т., Анисимов Р.И. (2019). Прекарный труд в России: состояние и тенденции // Экономическое возрождение России. № 2 (60). С. 93–103.
4. Анисимов Р.И. (2019). Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. № 9. С. 64–72.
5. Тощенко Ж.Т. (2020). Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.
6. Кученкова А.В., Колосова Е.А. (2018). Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 288–305.
7. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / Наемный работник в современной России. М. : Новый Хронограф. С. 121–138.
8. Воробьева И.В. (2018). Влияние неформальной занятости на политические установки россиян // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 4 (14). С. 87–97.
9. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2013). Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 5–15.
10. Капелюшников Р.И. (2012). Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом «Высшей школы экономики». 84 с.
11. Михайлова М.Н. (2015). Прекаризация трудовых отношений // Теория и практика общественного развития. № 20. С. 52–54.
12. Вередюк О.В. (2013). Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Вып. 1. С. 25–32.
13. Гасюкова Е.Н., Карачаровский В.В., Ястребов Г.А. (2016). Разный прекариат: об источниках и формах нестабильности социального статуса индивидов и групп // Общественные науки и современность. № 3. С. 48–63.
14. Кученкова А.В. (2019). Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 19 (1). С. 134–143.

15. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения : Коллективная монография / Под ред. Бобкова В.Н. М. : КНОРУС, 2018. 342 с.

16. Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от прото-класса к новому классу : Монография / Ж.Т. Тощенко ; Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М. : Наука. 360 с.

17. Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс / Гай Стэндинг ; [перевод с английского Н. Усовой]. Москва : Ад Маргинем Пресс. 326 с.

18. Прекариат: становление нового класса : Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

19. Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. (2006). Наука в России: социологический анализ. М. : ЦСП. 456 с.

20. Великая Н.М. (2019). Социокультурные угрозы и возможности устойчивого развития / Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году : Коллективная монография. Москва. С. 619–664.

21. Воронина А.А. (2016). К проблеме неустойчивой занятости научно-педагогических работников / История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники (8 февраля 2016 г.). Екатеринбург : УМЦ УПИ. С. 34–38.

22. Молодые ученые российской провинции: профессиональный потенциал и возможности его реализации : Коллективная монография / Под. ред. В.В. Гаврилюк. Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. 215 с.

23. Немировский В.Г. (2017). Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. № 9. С. 40–47.

24. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки : Коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.

25. Воробьева И.В. (2012). Социальный статус современного российского ученого (на примере преподавателей вузов) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 2 (82). С. 260–267.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент; Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6); vorobyova.irina@list.ru.

RUSSIAN SCHOLARS UNDER THE CONDITIONS OF PRECARIOUS EMPLOYMENT

I.V. Vorobyova^{13a}

^aRussian State University for the Humanities

ABSTRACT:

The article discusses peculiarities of Russian scholars' employment in order to get an insight into the degree of the negative trends affecting this area of labor which make it possible to talk about its precarization.

Nowadays, a number of scientific areas in research and development are stagnating; evolvement of science is slowed down due to insufficient funding, outdated technologies and lack of qualified personnel in the industry. Besides, precarization of work, which previously affected people with the low level of education fulfilling simple and routine tasks, has spread over the intellectual sphere, including different fields of science.

This research is based on a number of theoretical provisions determining the criteria of precarious employment, as well as the results of analytical reports and the data of the all-Russian research project "The

¹³RSCI AuthorID: 654506, ResearcherID: Q-7430-2016

Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society”. Proceeding from this information, the paper analyzes scientific infrastructure, sufficiency of motivational practices, promotion of the work of the leading scholars and assessment of employment peculiarities of Russian scholars.

Analysis of the peculiarities of scholars’ work suggests that despite some signs of precarization of academic activity today, it is impossible to classify researchers as the precariat yet. The basic features of precarious work, such as informal employment, absence of social guarantees and deprofessionalization in the scientific industry, are insignificant. However, some other signs of precarization have got widespread, including instability, uncertainty, absence of guarantees, irregular working hours, extra work, dissatisfaction with the working conditions and remuneration among scholars, and others. Moreover, excessive bureaucracy and standardization of the sphere has literally forced researchers to adjust results of their activity to the standards, sometimes at the expense of the quality of their work. This fact stimulates the ideas of meaninglessness and uselessness of their work in the minds of researchers.

If these negative tendencies remain unchanged, scholars (especially those of the Humanities and social sciences) may enter the precariat. It is time for the state to take serious actions aimed at preservation and development of the Russian science.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00024.

KEYWORDS: precariat, precarious employment, precarization, science, scholars.

FOR CITATION: Vorobyova I.V. (2021). Russian scholars under the conditions of precarious employment, *Management Issues*, no. 1, pp. 131–142.

REFERENCES

1. Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. (2015). Precarious: theory and empirical analysis (based on surveys in Russia, 1994–2013), *Sociological Research*, no. 12, pp. 99–110.
2. Bobkov V.N. (2014). Employment and social precarization in Russia: an introduction to analysis. Lomonosov Moscow State, Faculty of Economics. Moscow, TEIS. 94 p.
3. Toshchenko Zh.T., Anisimov R.I. (2019). Precarious labor in Russia: state and trends, *Economic revival of Russia*, no. 2 (60), pp. 93–103.
4. Anisimov R.I. (2019). Precarized employment in Russia: experience in determining the main indicators, *Sociological studies*, no. 9, pp. 64–72.
5. Toshchenko Zh.T. (2020). Precarious employment – a phenomenon of modern economics, *Sociological research*, no. 8, pp. 3–13.
6. Kuchenkova A.V., Kolosova E.A. (2018). Differentiation of workers by the nature of the instability of their employment, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 3, pp. 288–305.
7. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2015). Precaria as a new phenomenon in the modern social structure. In: Hired worker in modern Russia. Moscow, New Chronograph, pp. 121–138.
8. Vorobieva I.V. (2018). The influence of informal employment on the political attitudes of Russians, *Vestnik RGGU. Series “Philosophy. Sociology. Art history”*, no. 4 (14), pp. 87–97.
9. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2013). New social groups in modern stratification systems of global society, *Sociological Science and Social Practice*, no. 3, pp. 5–15.
10. Kapelyushnikov R.I. (2012). Informal employment in Russia: what do alternative definitions say? Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics. 84 p.
11. Mikhailova M.N. (2015). Precarization of labor relations, *Theory and practice of social development*, no. 20, pp. 52–54.
12. Veredyuk O.V. (2013). Employment volatility: theoretical foundations and assessment of the scale in Russia, *Bulletin of St. Petersburg State University, Series 5*, iss. 1, pp. 25–32.
13. Gasyukova E.N., Karacharovskiy V.V., Yastrebov G.A. (2016). Different precariat: on the sources and forms of instability of the social status of individuals and groups, *Social sciences and modernity*, no. 3, pp. 48–63.
14. Kuchenkova A.V. (2019). Precarization of employment: to methodology and measurement methods, *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology*, no. 19 (1), pp. 134–143.
15. Bobkova V.N. (ed.) (2018) Precarious employment in the Russian Federation: theory and

methodology for identifying, estimating and the reduction vector. Moscow, KNORUS, 342 p.

16. Toshchenko Zh.T. (2018). *Precaria: from proclass to a new class*. Moscow, Nauka, 360 p.

17. Standing G. (2014). *Precarity: New Dangerous Class*. Moscow, Ad Marginem Press, 326 p.

18. Toshchenko Zh.T. (ed.) (2020). *The precariat: the formation of a new class*. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing, 400 p.

19. Sheregi F.E., Strikhanov M.N. (2006). *Science in Russia: Sociological Analysis*. Moscow, TsSP, 456 p.

20. Velikaya N.M. (2019). Socio-cultural threats and opportunities for sustainable development. In: *Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019*. Moscow, pp. 619–664.

21. Voronina A.A. (2016). To the problem of precarious employment of scientific and pedagogical

workers. In: *Proceedings in the Sixth annual conference of the Department of History of Science and Technology “History of science and technology in the modern system of knowledge”* (February 8, 2016). Ekaterinburg, UMC UPI, pp. 34–38.

22. Gavriilyuk V.V. (ed.) (2014) *Young Scientists of the Russian Province: Professional Potential and Possibilities for Its Realization*. Tyumen, TyumGNGU, 215 p.

23. Nemirovsky V.G. (2017). Ideas of justice in the context of the estate structure of modern Russian society, *Sociological studies*, no. 9, pp. 40–47.

24. Toshchenko Zh.T. (ed.) (2018). *How are you, intelligentsia? Sociological essays*. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing, 360 p.

25. Vorobieva I.V. (2012). Social status of a modern Russian scientist (on the example of university teachers), *Vestnik RGGU, Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*, no. 2 (82), pp. 260–267.

AUTHORS' INFORMATION:

Irina V. Vorobyova – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia); vorobyova.irina@list.ru.